

Находясь в том возрасте, когда за плечами остались многочисленные, ничем не закончившиеся увлечения самолётами, марками, велосипедами, спортом, живописью и так далее, объяснить пристрастие к фотографии особенно трудно. Причина тут простейшая — для меня фотография стала в какой-то степени частью моего видения бытия. Не жизни, а именно бытия, то есть, выражаясь философски, не стихия жизни меня увлекает в этом случае, а закономерность, осмысленность Бытия. Отсюда и мой взгляд, мой интерес, моя точка съёмки. Проще говоря, смотреть — чтобы увидеть, видеть — чтобы быть и понимать, быть — чтобы осмыслить и осуществить. Фотография именно об этом.

А начиналось всё с простого желания «сделать фотку» друзей с улицы или одноклассников, брата, матушки с бабушкой, потом девчонок, потом уже что-то вроде репортажа о походе на Каму или в луга с ночёвкой... Этот период, эта забава отражены в феноменальном количестве альбомов, где можно проследить все этапы становления моего особого взгляда и зрения, о которых, само собой, я тогда и не задумывался. Надо видеть мои бесконечные сюжеты с разными лицами в разное время в разных местах — стоящие, сидящие, идущие, позирующие, снятые спонтанно, расставленные намеренно, в летних, зимних, демисезонных, пляжных, официальных, хиповских одеждах! И всё это в двадцати четырёх альбомах! В сущности, там нет ничего особенного, нарочитого, прихотливого — как видел, так и снимал. Не в этом ли, может статься, ценность такого вот взгляда для историков? Пристрастился я к фотографированию, как и все мальчишки ради понтов: типа крутой и прикольный. И что-то я не припомню, чтобы кто-то рядом занимался фотографией — даже в классе вроде бы таких не было. А может просто не продавали тогда хорошие камеры, и доставать химикаты и плёнку не было возможности? Может и так, а может быть, изначально я от отца что-то воспринял?

Мой отец, Александр Сергеевич, начал фотографировать лет в тридцать, когда мне было два-три года (сужу по снимкам). Это тот же подход, о котором я только что говорил: родные, близкие, друзья, работа — он был офицером, служившим в Восточной Германии до хрущёвской демобилизации. Собственно, истоки моего пристрастного отношения к фотоаппарату от него. Когда в 1961 отец погиб, остался фотоаппарат «Зоркий С» с выдвигаемым объективом, фотоувеличитель «Ленинград», бачки для проявки плёнок, ванночки, рулон широкой рентгеновской плёнки для сушки снимков, пинцеты и химикаты. И куча сделанных отцом фотографий,

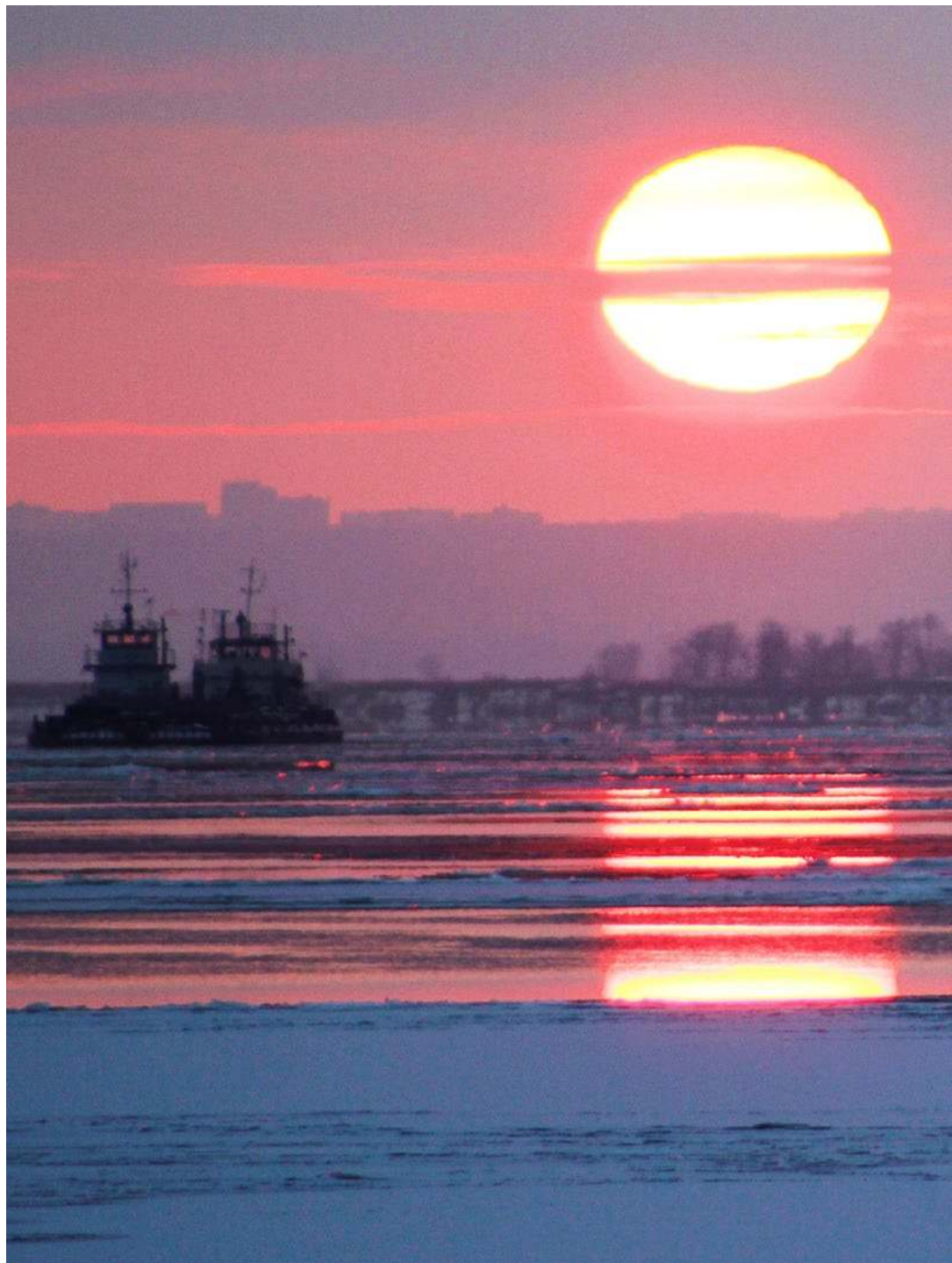
которые он не успел разместить в огромном тёмно-коричневом альбоме с толстыми картонными страницами бежевого цвета... Только в начале 80-х (через 20 лет) я их собрал в три матушкиных альбома, третий из которых завершил уже после её смерти в 2004 году.

Очень хорошо помню, как в первый раз я сам зарядил плёнку в фотоаппарат, как что-то снимал, как проявлял, печатал, сушил... Кстати, до всего дошёл в основном сам. Тогда ещё от отца достались не готовые проявители и закрепители, а метол, гидрохинон, поташ, сода, сульфит натрия безводный (ведь вспомнил, что удивительно, хотя уже лет 20 не проявлял ничего и не печатал!)... Но это я знаю в подробностях не с тех детских пор, а когда отучился в казанском училище на фотографа. В середине же 60-х, мне было 12–14 лет, и опытным путём приходилось постигать техническую часть фотопроцесса. Между прочим, с фотоаппаратами мне фатально не везло. К слову, отцовский «Зоркий С» у меня украли, а следующую фотокамеру «ФЭД-3» я купил сам, но и сам же её потерял, оставив в автобусе, когда провожал даму с прогулки. Потом был «Любитель» — это я уже из Казани привёз, за ним «Любитель 2» (как бы полуавтомат — его я утопил в Тойме, когда её переплывал с одной рукой; камера зачерпнула тойминской водицы, отсырела и сломалась). Работая на станции юных техников, я снимал последовательно на «Силузте-электро», потом, кажется, на «ФЭД-5М» и на «Зените». В Елабужском музее-заповеднике я владел цифровыми Соньками (Sony). В 2011-м с рук приобрёл старенький Canon, который тоже утопил весной в полынье на Старой Каме, едва не утонув сам (благо Алексей Куклин меня удачно успел вытащить — спасибо ему за это!). И вот в январе 2014 года, находясь на пенсии, купил (уже сам, на свои сбережённые от Цветаевской премии и сэкономленные на субсидиях по ЖКХ деньги) Canon EOS600D года с двумя объективами, стандартным и длиннофокусником, плюс у меня ещё от старого Canon'a остался объектив, который можно условно назвать портретным. С этим вооружением я и хожу по лесам и лугам, по улицам и берегам, время от времени делая фотовыставки, более или менее правдиво рассказывающие о том, что я видел.

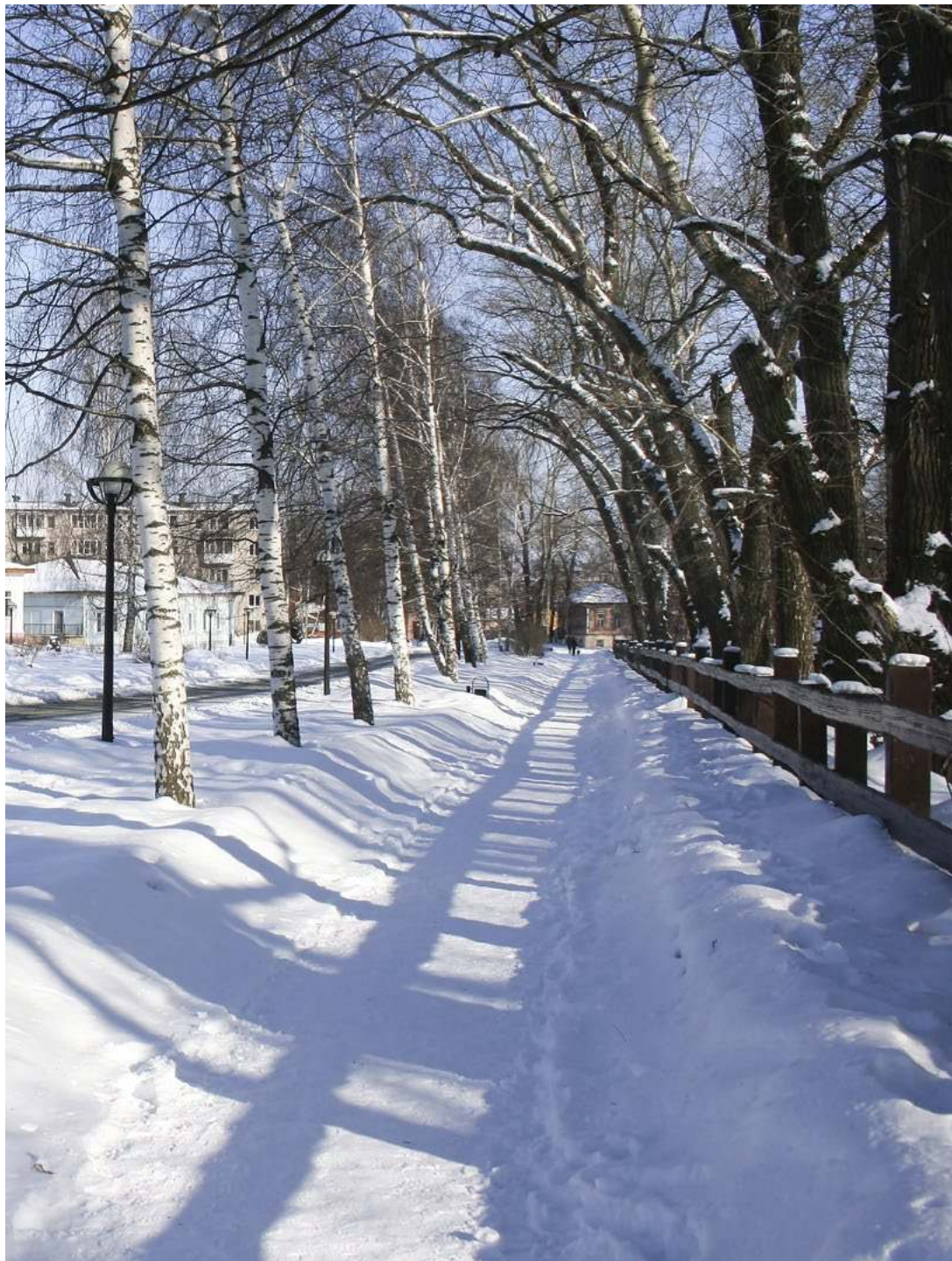
Так что, таков вот проход — от «Зоркого С» до неплохой для любителя камеры Canon 600D. Правда, обидно, что на такого рода «прогресс» ушло 50 лет! А теперь, когда мне под 70, надо уже что-то соизмерять с настроением, что-то со здоровьем и возможностью куда-то пойти, с погодой, бытом и — работой со словом. Последнее отнимает тоже значительную часть сил и времени. Однако, желание снимать ещё есть. Ещё мир природы, мир света и тени во всём, из чего и состоит Бытие, меня на самом деле привлекает. И я, зарядив оба аккумулятора, в очередной раз выходя из дома с тремя объективами, с открытыми широко глазами, ещё способен получить большое удовольствие, увидев нечто для меня важное, вовремя нажав кнопку спуска на своём Canon'e.

Так что и для чего я снимаю? Почему я действительно с удовольствием иду на Чёртово городище в три часа утра, нагруженный штативом и кофром с камерой и объективами за левым плечом, чтобы увидеть и снять восход солнца? Что меня влечёт поздно вечером в том же вооружении идти в город снимать туман или лёгкий снег, отражения зданий в осенних лужах, заснеженные фонари в парке или цветные линии от проезжающих автомобилей на фоне вечернего города? С какой такой радости или интереса в августе я бегу в луга, чтобы в который раз увидеть озёра с утками и лебедями, траву и луговые цветы со шмелями и стрекозами, подсвеченными угасающим солнцем?..

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

У меня давно уже зреет странноватое для XXI века желание написать большой цикл стихов о природе. Просто о природе — как всё там происходит по сути, по цвету, по запаху, по форме и во все времена года, и суток, и в лесу, и в лугах... В общем, желание-то есть, но всё никак не соберётся оно в кулак конкретного действия, хотя, справедливости ради, замечу, что большие и малые циклы о природе у меня есть во всех сборниках. И это не случайно. Таким вот образом, отсутствие книги моих стихов, где бы мир живой, мир божеский, ещё не отредактированный человеком, не уничтоженный его бессмысленной силой модернизации и урбанизации, предстал бы во всей своей естественности и дикой мощи, очаровывающей зрителя властно, подспудно масштабом события, — отсутствие такой книги я интуитивно пытаюсь компенсировать фотографией, своими снимками про то, о чём пока не успел написать. Это не теория и не ключ к понимаю чего-то в моих фотокартинках. Я не ставлю себе никаких особенных целей. Есть игра цвета и света, есть уравновешенность кадра и выраженность изображаемого. Это не столько наука, сколько опыт и практика — для меня уж во всяком случае. Понятно, что есть банальные, но красивые сюжеты, также понятно, что можно — в духе нашего сложного времени — выдрючиваться, разрушая первоначальную, природную форму, называя это постмодернизмом или акционизмом. А можно попытаться увидеть явление и сказать о нём просто и без изысков. Тем более, что у многих снимков есть своя история, которая окрашивает кадр уникальным, внутренним светом, может быть и не особенно видимым стороннему зрителю, но важным для меня. Что-то вроде рассказа рыбака о пойманной вооот такой рыбе!..

Помню, первого июня 2015 года, примерно в половине девятого вечера я увидел за окном сверкание молний и соответствующий им масштабный гром (что помню дату, конечно же шучу, — на сегодняшних цифровых снимках есть точное время съёмки, вплоть до секунды). Гром и молнии следовали друг за дружкой почти не переставая, что в свою очередь вызывало желание посмотреть и даже зафиксировать сей масштабный процесс, хотя полной уверенности в успехе не было — гроза могла быстро уйти, вместо неё мог прибежать хороший летний ливень, которому на мои фотоинтересы плевать. Но охота пуще неволи! Я взял штатив, зонтик, кофр с камерой и объективами и устремился на Чёртово городище. В таких случаях говорят: даже специально, даже с помощью компьютерной графики такого не придумаешь! Представьте картину: я стою на земляном валу и смотрю в сторону города и городища; над старой Елабугой голубое вечернее летнее небо, а слева на него как бы наплывает грязное пятно грозовых туч, в которых то и дело рождаются и мгновенно сгорают золотые нити молний, то ударяя в землю, то, запутавшись в тучах, освещают их изнутри каким-то мистическим светом...

Моя фотосессия продолжалась примерно полтора часа, за это время я сделал около сотни снимков, из них «шедевров» не более десяти. Но какой это кайф — видеть, что видел, и хотя бы отчасти об увиденном рассказать! Уверяю, это большая удача сделать столько кадров с молниями, при этом не попасть под дождь и штормовой ветер. Между прочим, я вообще люблю вечернюю, ночную и утреннюю съёмку за то, что мир в это время как бы приоткрывается с иной стороны. Он то ли спит уже, то ли готов проснуться, и потому выглядит как-то беззащитно, невинно, он открывается с неожиданной стороны, его краски, его дух и смысл не повседневен, не суетен, а это и есть в какой-то степени цель моего взгляда на природу — увидеть и рассказать другим.

А на Спасских ярмарках я пристрастился снимать портреты. Это, замечу, совсем другая картинка. Тут смысл не в том, чтобы поставить штатив и снимать наудачу, надеясь на случайное совпадение момента съёмки и мгновения молниеносной вспышки. Нужно выбрать освещение, ракурс, яркую эмоцию, выразительное лицо, увидеть сюжет. Это и называется жанровая сцена или портрет на пленере, так сказать. Это уже мир людей, где душу можно увидеть в движении, где взгляд может сказать больше, нежели всё остальное...

И в завершении вот что хотелось бы заметить. Как фотограф, я часто бываю в разных местах на природе — лес, берег реки, луга, озёра, и всегда меня сильно напрягает наша человеческая беспардонность. Брошенные бутылки, пакеты, разные бумажки и всякий другой мусор уродуют природу, частью которой мы, люди, являемся, хотя часто и забываем об этом. Но брошенный нами мусор, по гамбургскому счёту, это то же самое, как если б мы выпили отраву вместо чистой воды, съели бы стекло вместо каши с маслом, оделись бы в проволочную сетку вместо ткани из ситца или хлопка...

Понимаю, как говорят некоторые политологи, нынче апокалиптические времена приходят, а посему, мол, скоро всё кончится. Но всё зависит именно от нас. А природа это такая сила, которая, если будет на нашей стороне, всегда поможет и жить, и выжить, и мы не можем не восхищаться её таинственной красотой, не можем не томиться осенней грустью и удивляться причудам зимушки-зимы, и молодеть душой вместе с весенним пробуждением, и радоваться летнему торжеству жизни!

А уж я постараюсь обо всём этом рассказать с помощью своего фотоаппарата и выставок в Библиотеке Серебряного века.

